

Ю. Д. Артамонова, А. Л. Демчук

ЕДИНОЕ ПРАВО ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ?

Несколько лет назад наш знакомый, рассказывая о своей работе в Институте Европейского права (Берлин), с грустной улыбкой сказал: «У большинства моих коллег из Европы уже название института вызывает только одну реакцию: “Бог мой, чем Вы там занимаетесь?”». Прошло несколько лет, и принята Европейская Хартия основных прав человека (торжественно провозглашена на встрече глав государств Европейского Союза в Ницце в декабре 2000 г.). Оптимисты поспешили заявить, что прообраз первой всеевропейской Конституции принят, и мы наблюдаем движение от еще немного аморфного политического образования к Европейской Федерации. Надо заметить, что среди оптимистов были не только специалисты-правоведы и политологи, но и крупные государственные деятели. В частности, задачу перехода от соглашения государств к европейской федерации поставил Й. Фишер в своей знаменитой майской речи 2000 г. Его немецкий политический оппонент Шейбле был гораздо более сдержан — с его точки зрения, вопрос об институциональном оформлении нового европейского объединения должен встать после того, как будет прояснено, что оно из себя является и для чего оно нужно. Примерно так же реагировали на вопросы о всеевропейской федерации и главы других ведущих европейских стран, в частности Ж. Ширак. Их коллеги из «маленьких стран» еще более осторожны: формирование надгосударственного европравительства может привести к диктату «больших государств», — выразил свои опасения бельгийский премьер-министр. Действительно, каковы перспективы этой новой европейской протоконституции?

Традиционные штампы теории права говорят нам о том, что конституция предполагает народ (нацию), организованную государственную жизнь этой нации (государство) и, соответственно, признание этой власти гражданами, возможность государственного насилия в отношении нарушителей закона, суверенитет государства. А последний, добавляют, невозможен без еди-

ной культуры. Именно к этим штампам и апеллируют оппоненты единой европейской федерации. Их основные возражения таковы. Где нация? Что это за абракадабра — еврогосударство? Кто и кому даст государственные полномочия на надгосударственном уровне? Да и куда девать существующие государства и существующие конституции? Ведь от них никто пока не намерен отказываться. Принцип субсидиарности — интересная вещь в теории, но как его осуществлять на практике, тем более на надгосударственном уровне? Наконец, что это за человек — евро-человек? Ведь граждане Европы идентифицируют себя скорее с национальным (француз, немец, британец, ирландец и т.д.), чем с абстрактно-европейским. Да, конечно, есть все более объединяющаяся Европа — так и надо разрабатывать международное право. Критика эта давняя, идет еще со времен Маастрихтского договора. Ее ведут видные теоретики права во всех европейских странах. Чего стоят фамилии Кирхгофа и Гримма в той же Германии!

«Новое европейское право — это процесс, и единственная проблема — путь интеграции. Центральные проблемы обсуждения — процедурные», так коротко можно сформулировать ответ адептов еврофедерации и евроконституции.

Культурные различия, конечно, часто дают себя знать. Но то, что они осознаны в своем праве быть таковыми, уже хорошо. Юмор на национальные темы в нашей стране, к примеру, допустим с оговорками, а европейцы его любят и считают допустимым на любом уровне, вплоть до самого высокого. Вот фрагментики веселого плаката, показанного нам одним из чиновников Совета Европы: «Блестящему европейцу следует быть ...» И далее идут картинки с фразами. Одна из них изображает мрачно смотрящего на смеющихся собеседников человека. Подпись гласит: «обладающим чувством юмора, как у немца». На другой — человек, бьющий кувалдой по клавиатуре компьютера (hit any key), подпись: «с техникой на ты, как португалец». «Организованным, как грек», «щедрым, как голландец», «резвым, как ирландец», «скромным, как испанец», «разговорчивым, как финн», «гибким, как швед» — список можно продолжать и далее.

Шутки шутками, но ведь так называемый национальный характер пронизывает все, вплоть до стиля государственного управления. Здесь и начинаются проблемы — от простеньких до сложных.

Проект любого документа, составленный, к примеру, италья-

янецем и содержащий в первых строках сведения о том, чего нельзя допустить, а далее — общие места, будет с трудом понятен французу, который привык, что общие места пишутся во введении, а далее аккуратно разбросано, чего хотелось бы избежать и чего хотелось бы достичь. Теперь представьте за чтением этого документа британца, привыкшего видеть в первых строках четко сформулированное требование (что хотелось бы видеть), далее — общие места, и в конце опять же это требование.

Или старые проблемы языка — начиная с переводов терминов (тот же Европейский Союз) на национальные языки и кончая тем, что документы европейских организаций издаются на французском и английском языках. Бывает, что проходит полгода до перевода их на национальные языки. Это ставит граждан далеко не в равное положение — немецкий фермер, допустим, узнает о содержании нового закона, регулирующего его деятельность, на полгода позже своего французского конкурента. Кстати, Германия обсуждала вопрос о введении немецкого языка как третьего основного языка, но в Европейском Совете предложили иезуитское решение — мы не против, если платить за это будет сама Германия. Немцы посчитали — и отказались от этой затеи.

Еще сложнее отделить национальные демократии от их национальных черт. Вот маленький пример. Немцы и англичане часто жалуются на то, что бюрократия европейских учреждений переняла «французский стиль». Подразумевается следующее: обращаться в любой орган с просьбой (абсолютно законной) можно, только если ты лично знаешь чиновника, который бы мог сам или через знакомых чиновников проконтролировать, что твое дело не залежится у кого-либо в столе, а будет рассмотрено. Привыкшим к «безличному» стилю — любая бумага рассматривается в приемлемый срок независимо от знакомства с чиновниками — адаптироваться к французскому стилю сложно.

А теперь представьте себе, что стоит задача создания действующих и устраивающих всех единых европейских институтов, которые будут не просто местом, где ищется консенсус, но местом, где вырабатывается обязательная для всех стратегия!

Допустим, что 50 лет усилий не пропали даром, и перед нами есть новая общность. Ее объединяют ценностное единство (глава 1 новой хартии начинается словами: «Жизнь и достоинство человека неприкосновенны»), военный и экономический союз, дающий к тому же возможности экономической и политической взаимопомощи. Очень частая тема в рассуждениях о новой Ев-

ропе — именно возможность решения на надгосударственном уровне проблем, с которым не может справиться одно государство — от пресловутых наркотиков, коррупции и экологии до национальных проблем и инвестиций в экономику внутри страны. К примеру, Греция получила из евробюджета в 1999 г. 5000 млн евро, а Испания — 7544 млн евро. А вес политической поддержки на международной арене — в чем его измерять?

Но кто и как будет принимать решения в новой Европе (или возможной Европейской Федерации?) и какого плана будут эти решения? Именно этот вопрос был одним из центральных на встрече в Ницце. Конечно, со времен соглашений Шумана, ставших первыми шагами к Европейскому экономическому сообществу, ставшему ныне Евросоюзом, прошло уже 50 лет (кстати, формальное истечение сроков их действия в 2000 г. и подтолкнуло государства Европы к вопросу об обеспечении правовой базы совместной деятельности и, соответственно, к дискуссиям на эту тему). Но выработанный полувеком механизм не соответствует новому балансу сил в Евросоюзе — достаточно сравнить плачевное состояние Германии после войны и ее положение сейчас.

Именно Германия при поддержке Франции предложила и новую философию Евросоюза, и изменения механизмов принятия решений.

Суть сводится к трем тезисам — конституционный договор и создание союза государств; существование авангарда союза; региональное сотрудничество. Оформление единого европейского права связано, таким образом, с двумя вещами — узакониванием и развитием авангарда союза и развитием отношений регионов помимо национальных правительств.

Один из видных теоретиков Европейской Федерации, руководитель Европейского Центра по исследованиям федерализма проф. Р. Хрбек и ученые руководимого им центра говорят о том, что состояние нынешних международных организаций, таких, как ООН, НАТО, Совет Европы, можно охарактеризовать как анархию, многообразие без единства, что ведет либо к хаосу (в европейском варианте), либо к гегемонии. Однако нужна не тенденция к централизации, которая приведет к централизму, единству без многообразия, и к национальным проблемам — как в Испании или Великобритании. Нужна тенденция к интеграции, которая была бы органична для Евросоюза и привела бы его к единой федерации — по образцу, разумеется, Германии и США (заметим, кстати, что самые теплые чувства

к США в Европе питают именно немецкие политики и политологи, а причина проста: «Если бы не Америка, нас после войны съели бы наши европейские друзья и соседи»).

Управляющими органами этой федерации будут уже существующие европарламент и евросовет (совет глав государств стран Евросоюза). Парламент должен представлять население, как и любой нормальный парламент в нормальной стране (соответственно, квоты представительства должны быть приведены в прямое соответствие с численностью населения — какой хороший аргумент для Германии с ее 82 млн, да и для Франции с ее 59 млн жителей), и осуществлять те же функции, что и обычный парламент; решения в нем должны быть вовсе не единогласными, а принимаемыми квалифицированным большинством или просто большинством — в зависимости от обсуждаемой проблемы. Что же касается совета Союза, то и там надо учитывать количество населения и экономическую мощь страны.

Да, ни для кого не секрет, что в результате сложится ситуация, когда любые три крупные страны (например, Германия, Италия и Франция) могут заблокировать любое решение. С другой стороны, этим трем странам достаточно поддержки стран из бывшего социалистического лагеря (в которых население из иностранных языков сначала учит немецкий, а потом английский — второй существенно уступает первому по распространенности; об экономической зависимости от Германии той же Чехии или Венгрии написано уже много) — и нужное им решение будет принято. Однако усиление роли ведущих стран Евросоюза, говорят нам, не является покушением на демократию: они — авангард Евросоюза. Они являются наиболее развитыми экономически, они — доноры Евросоюза (Германия, к примеру, в 2000 г. отдала 13 416 млн евро, Великобритания — 4155 млн евро, Франция — 3916 млн евро, Италия — 3113 млн евро, Бельгия — 1121 млн евро) и по сути мотор европейского объединения. Новое распределение голосов — признание вклада и статуса этих стран. Более тесные взаимоотношения и консультации по европейским вопросам в узком кругу — вполне логичные способы взаимодействия стран авангарда.

Собственно, все это и было узаконено решениями в Ницце. В совете Союза эти страны получили, согласно новому распределению сил, по 29 голосов (Германия немного не дождала на коллег, но для учета численности ее населения принято положение, согласно которому большинство голосов должно соответствовать представительству по меньшей мере 62 % населения

Европы). Раньше они имели по 10 голосов каждая. Бельгия имеет теперь 12 голосов (против 5 раньше), Австрия — 10 (раньше — 4), а Финляндия — 7 (раньше — 3). 29 относится к 10 вовсе не так, как 7 к 3. А теперь произведите подсчеты в случае голосования квалифицированным большинством (всего голосов 227) — сколько нужно, чтобы это решение заблокировать? Часть же вопросов, касающихся социальной и налоговой политики, переведены из категории требующих единогласного решения, в категорию требующих квалифицированного большинства (для принятия нужны теперь три четверти «за»).

Столь же радикальны изменения распределения голосов в Европарламенте — только Германия сохранила свои 99 голосов; Франция, Великобритания и Италия теперь располагают 72 вместо прежних 87; Испания — 50 вместо 64, а Финляндия, к примеру, 13 вместо 16.

Председатель Еврокомиссии тоже выбирается квалифицированным большинством совета Евросоюза.

Таким образом, складывается надгосударственное государство, в котором хотят видеть выразителя интересов новой общности — Европы. Новое государство, пытаются нас уверять, является даже более легитимным, чем любое из европейских государств, ведь оно возникло из признания каждого гражданином и существует постольку, поскольку каждый с ним согласен. Европу общностью делает не география и даже не уровень развития экономики, а именно ценностно-правовое единство. Его-то и закрепил новая Конституция. Впору говорить о новой общности — европейском народе (кстати, статистики по этому поводу предостаточно; яркий пример — та же историческая вражда немцев и французов — сейчас 81 процент французов считает, что самые надежные партнеры и союзники — немцы). Основной проблемой новой общности будет именно процедурная проблема: как обеспечить учет интересов всех. Так что перераспределение голосов и прочие проблемы Ниццы были лишь первой, но далекой не последней ласточкой. А центральная проблема философских дискуссий в этой связи — правила коммуникации и рационального дискурса.

В свете вышеизложенного ряду теоретиков национальное государство видится если не атавизмом, то уж точно тем, что надо ограничивать в его полномочиях. Вопрос о суверенитете государства опять оказался в центре дискуссий. И очень многие склонны ограничить это понятие рамками XIX в., в которых оно и возникло. Практикующие же политики, если они стремятся к

единой Европе, пытаются поддерживать подвластные (в том смысле, что на них распространяются законы отдельного государства), но неподконтрольные государству формы политической жизни — межрегиональное политико-экономическое сотрудничество. Яркими примерами этого являются Балтийский Совет, Совет государств Баренцева моря, программа, поддерживающая сотрудничество приграничных районов разных стран, проблемы финансирования региона Страсбург. Вопросы политические при этом являются столь же важными, как и экономические. Балтийский Совет, к примеру, имеет собственного комиссара по правам человека, по борьбе с преступностью и т.д., а решение вопросов безопасности и совместной внешней политики уже вошло в традицию этого юного образования.

Итак, границы государства и его власть релятивизируются; формируются стоящие над ними структуры — они вовсе не претендуют на полноту власти, но хотят задавать основы для жизни государств (и, что важно, именно основы законодательства в том числе); фактически они являются органом авангарда (или тех, кто правит от его имени), который дает деньги, но требует послушания... Все это напоминает уже существовавшее политическое образование — тоже Союз, но только советских социалистических республик. Правда, его опыт был печальным. Дай бог, чтобы на сей раз было не так.

Е. А. Кротков

ЛОГИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РАССУЖДЕНИЙ

1. Термин «рассуждение» нередко употребляется в учебной и научной литературе по логике. К примеру, С. Клини пишет, что «логика дает методы анализа *рассуждений*»¹. А. Черч, разъясняя предмет и задачи логики, употребляет выражения «правильность рассуждения», «форма рассуждения», «содержание рассуждений», «посылки рассуждения»² и т.п. Однако ряд авторов (в том числе и только что названные) употребляют этот термин как синоним более традиционного — «умозаключение». «Задача логического исследования — обнаружение и систематизация опре-